

О.Н. Наумов, Москва

ПРОБЛЕМЫ ГЕРАЛЬДИКИ В ИСТОРИКО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ "НОВИК" (1934-1947 гг.)

После 1917 г. Россию покинули многие выдающиеся русские историки. Среди них был и крупнейший отечественный генеалог, основатель национальной генеалогии как науки, председатель Историко-Родословного Общества в Москве Леонид Михайлович Савелов. Пережитое потрясение и трудности эмигрантской жизни заставили прервать научные исследования. Лишь в конце 1920-х – начале 1930-х гг. он возвратился к любимой генеалогии. Но как было вести работу? Нет архивов. Нет книг. Нет рядом коллег историков. Нет денег¹. Нет даже собственных опубликованных трудов. Ничего нет.

Однако, Леонид Михайлович нашел в себе силы взяться за исследование. Он решился на "безумный" шаг – с 1934 г. начал выпускать историко-генеалогический журнал "Новик". Печатал его сам, на пишущей машинке, в 12 экземплярах. Вся редакция состояла только из самого Л. М. Савелова и его преданной жены Надежды Адриановны. Вскоре Леонид Михайлович остался совсем один. В ночь на 1 мая 1934 г. Н. А. Савелова скончалась. Казалось, уже ничто не может спасти издание, но в январе 1934 г. из России удалось выехать другому крупному российскому генеалогу В. С. Арсеневу. Фактически вдвоем они и выпускали журнал до 1938 г.

Летом 1937 г. Л. М. Савелов переехал на жительство в США. Ему удалось завязать прочные связи с Союзом российских дворян в Америке. В "Новике" появились новые сотрудники: Н. Д. Плешко, граф Б. Г. Берг, С. В. Гладкий и др.

Вокруг Л. М. Савелова начинает складываться круг любителей генеалогии. У ученого возник замысел создать в Нью-Йорке Русское Историко-Родословное Общество. Учредительное собрание организации состоялось 21 октября 1937 г. Леонид Михайлович стал ее председателем. Общество должно было продолжить деятельность Историко-Родословного Общества в Москве. В большой степени это удалось, хотя изменившаяся обстановка наложила специфический отпечаток на его работу.

В уставе Русского Историко-Родословного Общества в Нью-Йорке одной из целей его деятельности записано изучение геральдики.

* Выбор указанного периода обусловлен тем, что именно в это время журналом руководил Л. М. Савелов.

Автор искренне благодарит А. Б. Мильцына, внука Л. М. Савелова, и вице-председателя ИРО В. И. Алявдина за любезную возможность ознакомиться с редким изданием.

В конце 1938 г. Леонид Михайлович передал издание "Новика" основанной им организации. Журнал стал ее официальным органом, но продолжал выходить под редакцией Л. М. Савелова. В 1945 г. из-за нездоровья он покинул редакторское кресло. Возглавил издание товарищ (заместитель) председателя общества Н. Д. Плешко. В мае 1947 г. общее собрание организации "в изъявление признания неоценимых заслуг для русской истории и отечественной генеалогии" избрало ученого своим почетным председателем. Вскоре, 19 октября 1947 г., он скончался. Журнал "Новик" продолжал выходить до 1963 г.

Мнение о русской геральдике сложилось у Л. М. Савелова еще в начале XX века. Геральдика не была в числе приоритетных интересов созданного генеалогом в 1904 г. Историко-родословного Общества в Москве.² Это связано с недостаточным уровнем развития отечественной научной геральдики к моменту создания организации. В 1910-х гг., когда внимание к гербоведению возросло, Историко-Родословное Общество в Москве начинает чаще обращаться к этой дисциплине. Другой причиной прохладного отношения московских генеалогов к геральдике являлась точка зрения Л. М. Савелова, четко сформулированная в 1908 г. Причислив гербы к вещественным источникам генеалогии, ученый отметил, что "в России они не имеют значения, т. к. не составляют продукта народной жизни и привиты нам совершенно искусственно".³ Подобный взгляд он сохранил и в эмиграции. В своей обобщающей статье "Генеалогия" Л. М. Савелов повторил, что "русская геральдика научной почвы под собой не имеет, она искусственно привита нам Петром Великим"⁴. Такое мнение высказывалось ученым применительно, главным образом, к русским родовым гербам. Доказывая выдвинутый тезис, Л. М. Савелов писал, что даже древнее боярство гербов не знало, изображения гербовых печатей не переходили в родовые символы, выездные роды гербов не сохраняли, за исключением тех, которые выехали в позднее время. Он привел в пример "герб" Романовых (грифа), появившегося в XVI в. Его употребляли только два члена рода. Впоследствии символ был забыт. Герб их родственников Шереметевых совершенно иной, хотя он — редкое исключение, поскольку возник в конце XVII в.

В 1930-е гг. Л. М. Савелов продолжил критику "Общего гербовника дворянских родов" как источника, для изучения генеалогии непригодного".⁵ Одной из причин этого ученый считал невежество чиновников, составлявших книгу, произвольно изменявших гербы и не подвергавших сомнению семейные легенды, попавшие в гербовник. Л. М. Савелов указывал на совершенное незнание законов геральдики дворянством. Он был склонен даже выделять гербы пожалованных в дворянство лиц, потому что они содержали сведения хотя бы о профессии их владельца (вожди, например, означали придворного кучера).

“Эти странные эмблемы не были эмблемами, допускаемыми геральдикой, но все же ясно указывали на происхождение, спасибо и на этом”, – иронизировал Л. М. Савелов. Отмечал он и наличие общих эмблем в некоторых гербах (лейб-кампанские гербы, в молдавских родовых гербах встречается воловья голова).

Вместе с этим, Л. М. Савелов, сделав в одной из своих статей краткий историографический обзор русской геральдической литературы, отмечает попытки ученых дать отечественной геральдике “научное обоснование”. Они относятся к началу XX в. Датой, когда геральдика “стала в России на твердую научную почву”, он считал момент основания в Московском археологическом институте кафедры геральдики во главе с Ю. В. Арсеньевым.

Л. М. Савелов подошел к русским гербам с позиций генеалог, поэтому ему и свойственен определенный нигилизм в оценке родовой геральдики России. Некоторые, вскользь высказанные мысли, дают основание полагать, что к западной родовой геральдике ученый относился иначе.

Точка зрения Л. М. Савелова получила распространение. Например, генеалог-любитель М. Ю. Гаршин в письме к Леониду Михайловичу от 6 февраля 1936 г. писал: “Правда, что русские гербы не имеют никакого исторического основания и большей частью фантазии”.⁶

Несмотря на жесткую критику русского гербоворчества, Л. М. Савелов не сомневался в том, что геральдика – научная дисциплина, важная для исторического познания и тесно связанная с генеалогией.

Поэтому в журнале “Новик” все-таки печатались материалы по геральдике. В первые годы существования это издание состояло всего лишь из 40 машинописных страниц. Приходилось жестко экономить место. Поэтому в нем нет описаний гербов. В лучшем случае указывалось на наличие у рода герба и делалась ссылка на “Общий гербовник дворянских родов”. Когда же объем журнала увеличился, то сведения о пожаловании герба (по-прежнему без его описания) часто приводились не в начале или в конце поколенной росписи, как это было принято в дореволюционной историографии, а указывались в самой поколенной росписи, в биографической справке того лица, которое получало герб. В 1950-е гг. происходит восстановление прежних традиций. Ссылки на “Общий гербовник” стали даваться в предисловии перед росписью. Они становятся почти постоянными.

Едва ли не единственным случаем подробного описания герба в журнале “Новик” стало исследование о роде Орликов-Буймистровых. Их герб – в золотом поле орел – известен с XIII в. Автор статьи Н. Д. Плешко подробно проанализировал, какими гербами пользовались представители рода в разных странах.⁷ Он высказал предположение о возникновении фамильного их прозвания по изображению в

гербе, использовал герб для определения общности родоначальника различных ветвей рода. Н. Д. Плешко использовал герб как ценный генеалогический источник.

До переезда Л. М. Савелова в США в "Новике" появилась только одна статья, посвященная вопросам геральдики. Н. П. Михайлов опубликовал работу "О гербах польского дворянства"⁸, в которой сделал обзор польских сочинений XV–XIX вв., относящихся к геральдике, и указал на большое влияние иезуитов на гербы страны. Автор подчеркнул полезность изучения польских работ для занятий русской геральдикой. Л. М. Савелов написал к статье послесловие, в котором повторил свое отрицательное мнение о русских родовых гербах.

После организации Русского Историко-Родословного Общества в Нью-Йорке ситуация начала меняться. Среди учредителей общества оказался Юрий Александрович Навроцкий. Он занимал посты секретаря и казначея организации, был секретарем редакции "Новика". Будучи по профессии инженером, Ю. А. Навроцкий увлекался геральдикой. Он являлся также членом-корреспондентом Русского историко-генеалогического общества в Париже. С Л. М. Савеловым Ю. А. Навроцкий познакомился еще в 1936 г. по переписке. В письме от 11 апреля 1936 г. он писал: "Мне говорили, что Вы издаете родословный журнал "Новик". Имеются ли у Вас еще экземпляры, сколько стоит подписка, и выходит ли еще теперь этот журнал? Я с интересом приобрел уже теперь, за границей неплохую библиотеку по вопросам Русского Дворянства.

Нет ли у Вас случайно, среди Вашего материала каких-нибудь сведений касательно рода Башкирцевых. Один из моих друзей интересуется Марией Башкирцевой⁹ и просил меня составить ее родословную роспись. А также сведений о роде Коковцовых, того рода, откуда происходит граф Коковцов"¹⁰.

В 1939–1941 гг. Ю. А. Навроцкий опубликовал в "Новике" несколько работ, посвященных историографическим проблемам геральдики. Все они очень интересны. Совершенно неизвестным до настоящего времени в отечественной науке осталась находка первого русского гербовника дворянских родов, о котором Ю. А. Навроцкий напечатал специальную статью¹¹. Исследователь опроверг мнение, что первым русским родовым гербовником являлся гербовник А. Т. Князева 1785 г. Он писал, что в Париже, "года три тому назад Л. А. Гринберг представил для обозрения на собрании Русского историко-генеалогического общества во Франции красную марокеновую папку с золотым тиснением и шифром Великого Князя Павла Петровича в виде двух переплетающихся латинских букв "P" с 14 отдельными листами на пергаменте в ней"¹². На первом листе значилось: "Собрание Гербов всех находящихся при дворе Его Императорского Высочества. Рисовал

ассессор Андрей Греков. 1769 года." Ю. А. Навроцкий занялся изучением этого памятника. Гербы русских родов оказались тождественны рисункам либо из "Общего гербовника дворянских родов", либо из гербовника А. Т. Князева. Гербы лиц иностранного происхождения иногда имели отличия от их родовых гербов. Были установлены имена владельцев гербов. Ю. А. Навроцкий перечислил тех, чьи гербы вошли в гербовник: граф Н. И. Панин, герольдмейстер Л. И. Талызин, архимандрит Платон, преподаватели Великого Князя Павла Петровича (Т. И. Остервальд, Эпиниус, П. П. Пастухов), К. Ф. Крузе, В. В. Фузадие, барон К. И. Остен-Сакен, князь И. С. Барятинский, Волчков, Крок и сам автор рисунков А. А. Греков¹³. Ю. А. Навроцкий отметил: "Исполнены все рисунки красками исключительно талантливо и по всем правилам рисовального искусства восемнадцатого столетия". По всей видимости, гербовник сохранился не полностью. Открытие гербовника 1769 г. существенно дополнило представления о развитии русской геральдики в XVIII в.

Любопытные сведения о преподавании геральдики и генеалогии в России XVIII в сообщил в своей статье С. В. Гладкий¹⁴.

Перу Ю. А. Навроцкого принадлежит статья о неизвестной в отечественной геральдике и генеалогии таблице, называемой "16 Quartiers"¹⁵. Она представляет собой схему, в которой указаны предки лица на протяжении 4 поколений по мужской и женской линиям. Подобные таблицы использовались в некоторых странах Европы для доказательства дворянства. Чтобы считаться подлинным дворянином, человек должен был иметь всех лиц, перечисленных в таблице, дворянами. Имена предков сопровождалась изображениями их гербов. Ю. А. Навроцкий считал, что немногие из русских дворян смогут создать подобные таблицы. В качестве наглядного примера он опубликовал "16 Quartiers" Н. С. Плаутина, составленную его отцом, известным генеалогом С. Н. Плаутиным. Таблица была удостоверена председателем Русского историко-генеалогического общества во Франции Великим Князем Андреем Владимировичем.

Особую ценность ей придает использование неутвержденных гербов русского дворянства. Их взяли из того собрания, которое составлялось В. К. Лукомским и бароном Н. А. Типольтом с 1910-х гг. на основе изображений гербов на печатях, домах, надгробиях и др. Было собрано около 2000 гербов. Они перерисованы в двух экземплярах. Один из них погиб в Ленинграде. Другой Н. А. Типольт увез в 1923 г. в Париж. Местонахождение его неизвестно. Публикация в "Новике" свидетельствует, что собрание активно использовалось. Ю. А. Навроцкий, прекрасно понимая ценность неутвержденных гербов, тщательно перечислил те из них, которые вошли в таблицу Н. С. Плаутина. Там помещены перерисованные с печатей и надгроб-

ных памятников гербы и их варианты родов Плаутиных, Раевских, Константиновых, графов Гурьевых, Грибоедовых и др. Ю. А. Навроцкий считал необходимой публикацию неутвержденных гербов. В рецензии на изданный в Брюсселе I том "Гербовника русского дворянства" он писал, что в следующих его выпусках должно быть больше неутвержденных гербов. "Нам казалось бы, что несмотря на необходимость рано или поздно переиздать "Общий гербовник", ближайшей целью, которую может себе поставить каждый русский гербовед, здесь, вне России, это собирание и переиздание именно неутвержденных гербов, могущих быть совершенно затерянными", — указывал исследователь¹⁶. Вместе с тем, Ю. А. Навроцкий скептически отнесся к планам Русского историко-генеалогического общества в Бельгии, выпустившего рецензируемый им гербовник, издать все русские гербы, как вошедшие в "Общий гербовник", так и неутвержденные. Это потребует слишком много сил и капитала, но "вряд ли будет окуплено".

Для начала Ю. А. Навроцкий попытался сделать доступным указатель к XIX, XX и XXI частям "Общего гербовника дворянских родов"¹⁷. Указатели к остальным частям, составленные В. К. Лукомским и С. Н. Тройницким, были изданы большим тиражом и вполне доступны. Указатели к XX, XX и XXI частям, вышедшие в свет в 1914–1918 гг. в небольшом количестве экземпляров, оказались невозможным достать¹⁸. Единственный экземпляр указателей, оказавшийся за рубежом, был у Н. А. Типольта. Поэтому публикация Ю. А. Навроцкого, содержащая кроме списка фамилий еще и очерк истории публикации указателей к "Общему гербовнику дворянских родов", имеет несомненный интерес.

Через несколько лет список родов, гербы которых были утверждены Сенатом с 1 июня по 22 ноября 1917 г. и вошли в XXI часть "Общего гербовника дворянских родов", напечатали отдельно еще раз¹⁹. В предисловии к списку подчеркивалась законность утверждения гербов Сенатом и указывались даты соответствующих законов.

В этих публикациях содержались краткие сведения об организации в 1918 г. на основе архива Департамента Герольдии Гербового музея, руководимого выдающимся русским геральдистом В. К. Лукомским. Эту тему продолжила статья О. Н. Значко-Яворской²⁰. Она охарактеризовала коллекции Гербового отделения Департамента Герольдии и подробно рассказала о работе Гербового музея по атрибуции гербов на предметах прикладного искусства. До появления в конце 1980-х годов обобщающих исследований И. В. Борисова²¹, заметка О. Н. Значко-Яворской являлась наиболее полной работой о Гербовом музее. Он предстает в статье не только "хранителем документального и художественного фонда, но в то же время и единственным специальным органом по его научной эксплуатации и по разрешению историчес-

ких задач, выявляющихся в этой области, а также в выдаче всякого рода справок”²². О. Н. Значко-Яворская написала и рецензию на книгу С. А. Мухина о судьбе библиотеки Великого Князя Константина Павловича, предисловием которую снабдил В. К. Лукомский, много занимавшийся в то время экслибристикой и книговедением²³.

Журнал “Новик” публиковал материалы и по более ранним периодам, чем XVIII–XX вв. Исследователей древнего времени среди авторского коллектива не было, поэтому редакция просто перепечатала заметку нумизмата Н. Т. Беляева из эмигрантской газеты “Возрождение”²⁴. Автор поддержал высказанное С. Х. Энсвальдсеном в той же газете мнение о родовом знаке Рюриковичей. “Трезубец” был обнаружен на монете одного из датских королей. Это подкрепило убеждение Н. Т. Беляева в том, что Рюрик – датский викинг. Исследователь идет еще дальше, высказывая предположение о тождестве Рюрика с внуком Геральда Датского, известного под именем Рорика.

Как известно, геральдика есть искусство. Она всегда располагала к творчеству, поэзии. Одна из публикаций “Новика” еще раз доказала такое мнение. Среди научных материалов журнала особняком стоит стихотворение “Родословная”, которое начинается с описания герба “Погони”, вошедшего и в городскую, и в родовую геральдику:

Стыдись предаваться уныния сну:
В гербе родовом мы имеем
Клинок обнаженный, пронзивший луну,
Пылающий факел со змеем.
И скачущий всадник, поднявший тесак,
На белом коне: герб “Погони”.
И перья павлиньи, как рыцарства знак,
Над шлемом на графской короне.
Три цвета имеет наш герб родовой:
Серебряный, красный, лазурный.
“За честь и Любовь” – наш девиз боевой,
Свидетель судьбы нашей бурной.²⁵

Подписано стихотворение явным псевдонимом: “Мингайло фон Фалькенштейн”. Под которым, вероятно, скрылся бывший офицер, сотрудник “Новика” и поэт Н. П. Михайлов²⁶.

Журнал откликался рецензиями не только на издания, выходившие в русской эмигрантской среде. Ю. А. Навроцкий, хорошо знавший ситуацию и в зарубежной геральдике, в 1939 г. опубликовал заметку о “Французском журнале геральдики и сфрагистике”, издававшемся в Париже с января 1938 г. Он сделал обзор статей вышедших номеров за 1938 – начало 1939 гг. Однако, подобный материал – исключительное явление для “Новика”, принципиально не бывшего о событиях, не связанных с русской историей и генеалогией.²⁷

Практически все из опубликованных за 1934–1947 гг. в журнале "Новик" исследований по геральдике до сих пор представляют большой интерес и сохранили научное значение. Они долгое время оставались неизвестными в России, поскольку комплекта "Новика" в Отечестве нашем не имелось. Материалы посвящены, главным образом, историографическим проблемам. Это объяснимо и закономерно. Без архивов, без предметов с гербами вести исследования по геральдике оказалось практически невозможно. В отличие от генеалогии, геральдика не обладает сильно развитыми устными традициями, позволяющими при родословных изысканиях на основании сведений, полученных от одного или нескольких лиц, составить родословную таблицу или поколенную роспись.

До настоящего времени остается актуальной проблема, поставленная русскими геральдистами до 1917 г. и поддержанная исследователями в эмиграции. Неутвержденные родовые гербы. К сожалению, они так и остались неизданными. Проблематично, можно ли сейчас собрать их, поскольку многие памятники, послужившие источниками для геральдистов прошлых поколений, уничтожены.

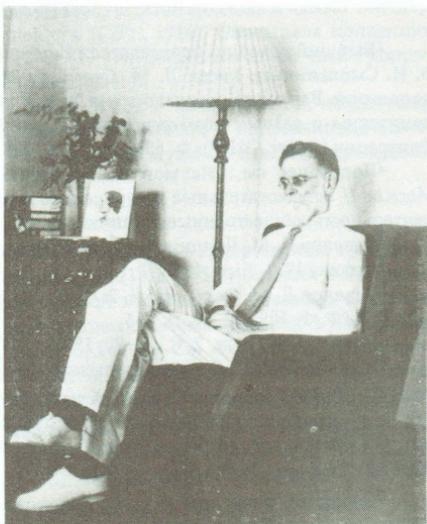
В эмиграции продолжили свои работы по геральдике исследователи с дореволюционным стажем – барон Н. А. Типольт и О. Н. Значко-Яворская. Появились и новые имена – Ю. А. Навроцкий и Н. П. Михайлов. Публикации на геральдические темы оказались сильно зависимы от наличия специалистов. Если на смену одного генеалога в "Новике" становился другой генеалог, то при оставлении журнала геральдистом могла возникнуть "пустота". Так произошло, когда в 1945 г. оставил пост секретаря редакции и уехал в Персию Ю. А. Навроцкий. Редкость специалистов стала причиной нерегулярного появления геральдических материалов на страницах "Новика".

Русские ученые-эмигранты работали в 1930–1940-е гг. не покладая рук, несмотря на отсутствие необходимой литературы и источников, несмотря на материальные трудности. Что двигало ими? Преданность делу и любовь к Родине. Издание журнала такого высокого научного уровня как "Новик" при самых минимальных возможностях для работы смело можно назвать научным подвигом Л. М. Савелова.

Изучение геральдики было лишь частью большого дела, которому посвятили себя русские историки в эмиграции: "На нашем поколении лежит обязанность продолжать работу по... истории России, по тем источникам, которыми мы можем и сумеем пользоваться; должны работать и по тем подсобным истории наукам, как археология, генология, евгеника, геральдика и прочие, которые являются источниками для общего историка"²⁸. Теперь, листая страницы эмигрантских изданий, можно сказать, что обязанность свою русские историки выполнили до конца.

Л. М. Савелов. Начало 1900-х гг.

Л. М. Савелов. США. 1937 г.

Л. М. Савелов за работой. США. 1937 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Бывший товарищ председателя Историко-Родословного Общества в Москве, сенатор В. Н. Смольянинов писал Л. М. Савелову 28 декабря 1930 г.: "Описанное Вами тяжкое положение Ваше так потрясло меня, что я немедленно сообщил некоторым знакомым и приятелям о разных возможностях помочь Вам..." (Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 6091. Д. 43. Л. 26)

²Подробнее см.: Наумов О. Н. Гереальдика и Историко-Родословное Общество в Москве // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации. М., 1994. С. 108–110.

³Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии. М., 1908. Ч. 1. С. 37.

⁴Новик. 1939. Вып. 1. С. 17.

⁵Савелов Л. М. Указ. соч. Ч. 2. С. 19–21; Новик. 1939. Вып. 2. С. 7–8.

⁶ГАРФ. Ф. 6091. Д. 20. Л. 4об.

⁷Новик. 1939. Вып. 2. С. 29–30; 1945. С. 17–28.

⁸Михайлов Н. П. О гербах польского дворянства // Там же. 1935. Вып. 2. С. 13–14.

В 1958 г. В. Г. Сенютович-Бережной опубликовал возражения на статью Н. П. Михайлова. Он не согласился с указанием на большую роль иезуитов в развитии польской геральдики. Он считал, что гербы не были перенесены иезуитами, а существовали в Польше с XIII в. (Там же. 1958. Отд. 3. С. 1).

⁹Вероятно, речь идет о С. В. Гладком, который впоследствии опубликовал статью "Башкирцевы и Бабанины (генеалогические разведки)" (см.: Новик. 1939. Вып. 1. С. 25–29). Об упоминаемых далее Коковичевых Н. Д. Плешко подготовил и напечатал поколенную роспись: Там же. 1947. Отд. 11. С. 25–27.

¹⁰ГАРФ. Ф. 6091. Д. 53. Л. 8.

¹¹Навроцкий Ю. А. О первом русском гербовнике // Там же. 1939. Вып. 1. С. 38–41.

¹²Там же. С. 39.

¹³В четвертом поле своего герба А. А. Греков изобразил себя в виде мраморного бюста, который покоится на бумаге вместе с карандашом и кистью, эмблемами профессии художника.

¹⁴Гладкий С. В. Из записной книжки. О преподавании генеалогии и геральдики в России XVIII столетия. Там же. 1942. Вып. 1. С. 19–21.

¹⁵Навроцкий Ю. А. "16 Quartiers" // Там же. Вып. 4. С. 35–36; Он же. Поправка // Там же. 1940. Вып. 2. С. 21.

¹⁶Навроцкий Ю. А. Библиография. О Брюссельском гербовнике // Там же. С. 38. Гербовник составил член Русского Историко-Родословного общества в Америке Н. А. Пушкин. В него вошло более 90 гербов, принадлежавших дворянам, проживавшим в Бельгии.

¹⁷Навроцкий Ю. А. Указатели к Высочайше утвержденному Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской Империи // Там же. 1941. Вып. 4. С. 32–37.

¹⁸Лукомский В. К., Тройницкий С. Н. Указатели к Высочайше утвержденному Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской Империи и Гербовнику дворянских родов Царства Польского. СПб., 1910; Лукомский В. К. Указатель к Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской Империи. Ч. XIX. Пг., 1914; Он же. Указатель к Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской Империи. Ч. XX. Пг., 1917.

¹⁹Список родов, которым утверждены гербы Правительствующим Сенатом с 1 июня по 25 ноября 1917 г. // Новик. 1945. С. 103–105.

²⁰Значко-Яворская О. Н. Ленинградский геральдический музей (со слов его хранителя В. К. Лукомского) // Там же. 1947. Отд. 1. С. 24–27. Значко-Яворская (урожд. Бернацкая) Ольга Николаевна (р. 23.10.1872). Окончила Полтавский институт благородных девиц

(1885). Одесские Высшие женские курсы (1910), Петербургский археологический институт (1911). Составила и опубликовала свою родословную (СПб., 1914). Описывала коллекцию печатей В. К. Лукомского (Гербовед. 1914. № 3. С. 42—47). Действительный член Русского историко-родословного общества в Нью-Йорке (с 22.08.1941).

²¹ Борисов И. В. Гербовые изображения в России XVIII — начале XX вв. на документальных и вещественных памятниках. Проблемы идентификации и источниковедческого анализа: Автореф. дис... к.и.н. М., 1987; Он же. Гербовый музей // Вестник геральдиста. 1990. № 1 — № 2; 1991. № 1.

²² Новик. 1947. Отд. 1. С. 25.

²³ Там же. Отд. IV. С. 2—7.

²⁴ Письмо Н. Т. Беляева редактору газеты "Возрождение" о Рюриковском трезубце // Там же. 1939. Вып. 3. С. 25. Беляев Николай Тимофеевич (1878—1955). Служил в Лейб-гвардии I артиллерийской бригаде и в научно-технической лаборатории военного ведомства (1914). Профессор Михайловской артиллерийской академии. Командирован в Австро-Венгрию и Германию, с 1915 г. — в Англии. Награжден орденами Св. Анны и Св. Станислава. Член Совета Лондонского минералогического общества, Общества аэропланых инженеров и Королевского института. Сотрудник металлургического института по сварке в Париже. Удостоен золотой "Бессемеровской" медали. Долгое время жил в Аргентине. Автор трудов по металлургии, исторической метрологии, фризско-славянским связям. О нем: Пашуто В. Т. Русские историки эмигранты в Европе. М., 1992. С. 43, 118. Благодарю И. В. Кузнецову за любезно предоставленные сведения.

²⁵ Там же. 1934. Вып. 2. С. 18—19.

²⁶ ГАРФ. Ф. 6091. Д. 30.

²⁷ Библиография // Новик. 1939. Вып. 4. С. 39—40.

²⁸ Там же .